

Н.В. Шляхтина

Государственная политика и жизненная практика в отношении сиротства в СССР

Исследуя в своей предыдущей статье¹ проблему преодоления сиротства в традиционном (крестьянском) обществе дореволюционной России, мы пришли к выводу о наличии основной мотивации со стороны крестьянского мира, старавшегося коллективно решать эту проблему. Этой мотивацией было сохранение порядка, устоев (социальных, экономических, духовно-религиозных), которые могли разрушаться в случае, если бы крестьяне коллективно, всесторонне и эффективно не решали эту проблему. Нельзя сказать, что их заставляла заниматься сиротством только экономическая (хозяйственная) целесообразность, или же желание сохранить традиционный социальный порядок. Но, как следует из всей деятельности крестьян, направленной на преодоления сиротства, в числе важнейших была и религиозная мотивация. В целом же у крестьян существовала единая мотивация, где духовное, социальное и экономическое целеполагание совпадали.

И второй важный вывод, вытекающий из анализа традиционных (крестьянских, тогда — народных) форм преодоления сиротства: крестьяне не боролись с сиротством, как борются с болезнью, пытаясь полностью преодолеть ее и уничтожить, но боролись, как с неизбежным злом (таким, как смерть), которое можно победить не абсолютно, но относительно. Народный опыт являлся коллективным опытом, у которого были свои формы в том или ином сословии, но как традиционный опыт, он был един для всех сословных групп. В рамках традиции, т.е., с одной стороны, социально цельного подхода (общего для данного сословия и

для всего русского общества), с другой — в рамках действия общего мотивационного ряда (религиозного, хозяйственного, социального).

Важно и третье положение, вытекающее из анализа традиционного опыта сиротской опеки. Проблема сиротства может решаться только в рамках института семьи, через усыновление и другие формы попечительства о сиротах.

Тем не менее уже в дореволюционный период стал складываться нетрадиционный опыт преодоления сиротства, связанный с попытками *полного преодоления* его как явления. Во всяком случае, как явления, которое или не бросается в глаза или выведено за скобки обычного течения жизни. Нетрадиционный опыт был связан с *государственными* и *частными* формами призрения сирот и отличался он, прежде всего, ограниченностью мотивации преодоления сиротства. Прежде всего, это касается выведения сирот из традиционного социума. Если крестьяне старались помешать сирот в семьи, чтобы сиротствующие не оказались вне семейной крестьянской жизни, чтобы дети не уходили за пределы привычного им мира, то государственные и частные заведения в Российской империи, занимающиеся призрением сирот, ставили перед собой только одну главную мотивационную цель — материальную — сохранить жизнь ребенку и дать ему общее и специальное образование (профессию). Государственные и частные формы благотворительности, в том числе и призрения детей-сирот, достаточно подробно изучены, и поэтому нет смысла останавливаться на них, в том время как крестьянские (традицион-

¹ Шляхтина Н.В. Традиционный народный опыт заботы о детях-сиротах в крестьянской среде дореволюционной России конца XIX в. // Традиции и современность. 2015. № 17. С. 99—112.

ные), дворянские и др. традиционные формы совсем не изучены. При этом именно традиционный опыт позволяет понять, как работали *естественные* механизмы адаптации сиротства к жизни в народной среде, чтобы оценить весь спектр изменений, которые произошли в этой области за советский и постсоветский периоды.

Начиная с советского времени происходит решительное государственное наступление на все иные, — негосударственные — формы опеки детей, нуждающихся в помощи. Государство решительно отказывается как от традиционных форм призрения сирот (в основном церковных), так и от частных форм — самых распространенных в дореволюционной, имперской России. Желание стать монополистом в той области, которая никогда не была приоритетной для государства, поскольку здесь власть предрежащие занимались лишь организационной работой — правовым обеспечением, инициированием тех или иных больших проектов, их защитой, и конечно, щедрым личным субсидированием этих начинаний. В XIX в. центр государственных интересов в этой области постепенно перемещается из частного сектора в церковный, и именно через церковные структуры, связанные со вновь создаваемыми общежительными женскими монастырями и общинами, государство осуществляет самые важные и эффективные проекты. Советское государство в определенном смысле может считаться продолжателем подобной деятельности имперского российского государства: а именно — в опоре на нетрадиционную сферу социальной благотворительности. Но и то — с оговоркой: дрейф российской государственности в послепетровский период все же происходил в сторону возвращения к традиции допетровской, когда государство поддерживало церковные традиционные формы призрения всех обездоленных групп населения. Советское же государство сразу взяло курс на создание собственной и единственной — государственной — сферы заботы о нуждающихся. При этом осуществление этого проекта происходило быстро, решительно, со сломом всего старого, прежде всего, народного и церковного традиционного, а также огромной области частного сектора социальной помощи. В стране стала выстраиваться единственная государственная форма социальной защиты нуждающихся, к тому же имеющая еще одну яркую особенность, а именно — классовый, т.е. избирательный характер. Из всей массы нуждающихся выделялись лишь те, кто был достоин помощи советского государства, а те, кто был недостоин ее, ставились в положение самовывживания. Эту аксиому распространили и на категорию детей. Такой подход уже сам по себе

рассматривал человека вне привычной христианской традиции — цельно, как носителя бессмертной души, как личность, независимо от ее внешних характеристик, но как материал, который может стать человеком, а может и не стать. Этот критический взгляд на человека являлся основой для репрессивной деятельности советского государства, для которого понятие «враг» было очень многопланово и многообразно.

Статья делится на три части: *государственное* сиротство, *социальное* сиротство и *традиционное* сиротство, т.е. в основу рассмотрения положен принцип выделения *абсолютных* причин, порождающих каждую из указанных форм сиротства. В традиционном обществе такой абсолютной причиной могла быть только одна — традиционная, когда естественный ход жизненных испытаний (неожиданная смерть родителей, социальная неустроенность семьи и др.) приводил к появлению сирот. Уже в имперской России появляется новая, неизвестная допетровской России категория сирот — социальные сироты. Это были те, кто становился сиротой вне рамок традиционного общества, где причиной сиротства оказываются не естественные законы жизни (в том числе носящие социальный и государственный характер). В допетровский период была только одна категория социальных сирот — нищие дети, но и она скорее была исключением из правил и не имела широкого распространения. Сироты при живых родителях — это социальное сиротство. Причины широкого распространения социального сиротства — появление нетрадиционных форм жизнедеятельности внутри традиционного общества. Речь идет о появлении легальных возможностей активного, как территориального (диахронного), так и социального (синхронного), перемещения с целью достижения экономической выгоды или получения нового социального статуса. Все эти процессы стали активно проходить после реформ Петра I. Причем во всех сословиях, не исключая крестьянского. Поначалу новый жизненный ритм стала набирать аристократия, потом этой экономической и социальной мобильностью были охвачены и другие социальные группы имперской России. При этом нетрадиционная среда постепенно объединялась в нечто свое противоположное сословному объединению (где основой были почвенность и служение), и это негласное (информационное и культурное) объединение фиксировало новые формы общественного бытия. Отрицание отцовства и родовых связей (как традиции) находилось в числе важнейших ценностей этой новой социальной группы. Именно сюда большей частью устремляется в XIX в. частный капитал и здесь создаются

нетрадиционные, оторванные от сословной почвенной культуры формы опеки сиротства.

Советский опыт позволяет говорить о появлении еще одной фундаментальной формы — абсолютного источника сиротства — государственно-го сиротства, и причину этого необходимо видеть в монополизации государством права на социальную опеку в обществе. При этом происходят определенные метаморфозы с традиционным и социальным сиротством. Попытки уничтожить традиционное и социальное сиротство как явления законодательными (и соответственно репрессивными) средствами оказались безуспешными. Первой ласточкой возвращения стало появление нэпа в 1922 г., и уже в 1926 г. происходит отмена закона о запрете на усыновление сирот, семья перестает рассматриваться как буржуазная ячейка общества, а отцовство и материнство становятся разрешенной ценностью советского общества. При этом государство даже не заметило, как в процессе этой борьбы появилась еще одна сфера, продуцирующая сиротство — государственная. Наступление на традиционную сферу — главный источник традиционной формы возникновения социальной неустроенности, в том числе сиротства было переведено из ближайшей перспективы в долгосрочную. Но при этом частная сфера, не только борющаяся, но и связанная с социальным сиротством, стала сворачиваться после того, как нэп был признан лишь временным отступлением.

Государственное сиротство

Отношение государства к сиротству включало в себе две сферы отношения к детям: репрессивную и позитивную. Репрессивная включала в себя особое (враждебное и негуманное) отношение к детям, связанным кровными узами с так называемыми врагами народа. Часть этих детей отбиралась у арестованных родителей и отправлялась в детские дома для перевоспитания. Другая часть — разделяла тяготы изгнания и неволи с родителями. Государство отказывалось от них, бросало их на произвол и лишения, связанные с заключением: тюрьмами, ссылками. К этой же группе детей относились и те, кто оставался на воле после ареста отца или матери с кем-то из близких и попадал как ребенок врага народа в положение изгоя. Нарочитое забвение семьи врага народа, оставшейся без кормильца (учитывая, что в дореволюционной жизни именно отец был кормильцем семьи), также позволяет говорить о сиротстве, которое могло, но не хотело смягчить советское

государство. По отношению к семье репрессированного такое сиротство тоже было формой наказания, как и наказание самого арестованного.

Нельзя не заметить того, что подобное наказание виделось советской власти как объективный факт, свидетельствующий о неотвратимости наказания для ее противников, своего рода Божье наказание за нераскаянные грехи человека. Только в этом случае от лица Высшего Судьи выступало государство, взявшее на себя миссию трактовать — «кто грешен, а кто нет». Так видится ситуация сегодня. Тогда же государство публично, конечно же, не брало на себя эту миссию, но объявляло виновником всего самого арестованного, который своими преступными антинародными действиями поставил себя в положение отверженного (нарушителя закона), а своих детей в положение сирот, которым тоже нет снисхождения, потому что это «возмездие», а не правовое наказание. Таким образом, трактуя эту ситуацию как возмездие, государство снимало с себя субъективную ответственность за происходящее.

О детях в тюрьмах, сидевших вместе с матерями, известно сегодня меньше всего. Но то, что такая категория врагов советской власти существовала, ясно из редких сохранившихся свидетельств современников эпохи. Так, по воспоминаниям Н.Н. Соколовой, ее маму — Зою Вениаминовну Соколову — арестовали где-то в первой половине 1930-х годов в Москве и держали до выяснения обстоятельств в московской тюрьме. Больше всего ее поразило наличие здесь матерей с малолетними детьми. «Однажды, когда маму переводили в другую камеру, и она спустилась туда по ступенькам, к ней подбежала девочка лет пяти. Ребенок обхватил маму руками и стал обшаривать ее карманы». Женщине показалось поначалу, что это ее дочка, из-за чего с ней случился нервный срыв. Следовательно на допросе также старался уязвить ее в самое больное место, говоря, что вся семья арестована, а дети отданы в детдом, и она их больше никогда не увидит. Встреча с ребенком в тюремной камере у З.В. Соколовой была не единичной. «Многое я прощаю советской власти, — говорила она дочери, — но одного не могу простить: в тюрьме сидели матери с маленькими детьми, с грудничками. Немытые, грязные, вонючие и больные крошки кричали и умирали с голоду»². В 1924 г., отмечает автор воспоминаний, в тюрьмы с младенцами еще не сажали³.

² Соколова Н.Н. Под кровом Всевышнего. М., 2000. С. 30.

³ Там же. С. 9. С 1919 г. существовал закон, запрещающий телесные наказания детей, суды и тюремное заключение малолетних. Но, очевидно он не выполнялся.

Более массовый материал сохранился о детях раскулаченных крестьян, отправленных вместе с родителями в ссылку или лагеря. Сохранились письма Е.П. Пешковой главе фонда «Помощь политическим заключенным», где немало упоминаний и описаний конкретных жизненных ситуаций, связанных с судьбами детей, попавших вместе с родителями в неволю⁴.

Письмо Л.А. Александровой от 20 января 1931 г. «В сентябре расстреляли в административном порядке моего сына и зятя, а дочь выслали в Соловки на 5 лет. У нее был в это время 6-ти месячный ребенок, которого завезли к нам по дороге в ДПЗ». Жительница Ленинграда обращается с просьбой вернуть мать ребенку, поскольку после отбывания наказания ту собираются отправить на высылку. Сама же престарелая бабушка с трудом справляется со своими обязанностями⁵. Слезное обращение ссыльного Кирика Ивановича Логунова к Пешковой о своих детях-сиротах при живом отце, разбросанных по стране. После ареста «все дети с больной (лежащей. — Н.Ш.) и полуслепой матерью были зимой выгнаны и выброшены из своей хаты, и мастерская... и домашний скерб были забраны начальством Горсовета. Дети свезли мать в больницу, кормились подаванием граждан...».

Редкие свидетельства тех испытаний, что терпели семьи высланных крестьян, показательны именно тем, что эти испытания в первую очередь касались детей. Вот воспоминания ссыльного — священника о. Иоанна Тимакова — не менее трагичные: «Нас привезли из Самарской губернии в степь, на место будущего поселка Новая Тихоновка в середине 1931 года. Я был молод, со мной была жена и маленький ребенок. Мы выкопали ямку в метр глубиной, попончиками крышу закрыли и мешок с багажом в головах. Наш младенец прожил в этой яме месяц и умер. А зимой, когда нас перевели в недостроенные бараки, у нас другой младенец родился. Первую зиму свирепствовал тиф. Было очень холодно, на пайке жить было очень трудно, народ ослаб. В 31-м, в 32-м году погибли все дети и старики, и к 33 году осталась одна молодежь, редко где старика увидишь. А потом и молодые

стали умирать. В Тихоновке у нас по двести человек в день умирало. Три бригады копали могилы (два метра ширины, пять метров длины). Зашивали человека в попонку грязную и в яму бросали. Зимой могилы копать не успевали. Покойников складывали в кучи, величиной с дом, по пятьсот-семьсот человек в каждой куче лежало друг на друге как дрова. Второй наш ребенок тоже умер. А мы с женой выжили благодаря тому, что продали ее пальто на лисьем меху, что ей еще от матери досталось, купили овса, толкли его, ели и чуть живенькие остались»⁶. Священник Николай Бирюков также сохранил для потомков бесценные воспоминания о жизни в Сибири, куда семья его отца (без него) была выслана вместе с другими зажиточными сельчанами и брошена посреди тайги на произвол судьбы. Здесь были женщины и дети, и они выжили, отстроились, но как только жизнь стала налаживаться, их опять подняли и бросили на новые испытания и страдания⁷.

По сути, сиротскую обездоленную жизнь вели и те дети, у кого забирали отца, а сами они оставались одни с матерью. Учитывая, что в традиционном социуме именно мужчины обеспечивали семью доходом, а женщины были домохозяйками, нельзя не понимать, что после ареста оставшаяся на воле большая семья также была обречена на полуголодное существование. Об этом мы читаем, например, в письмах середины 1930-х годов одной воронежской семьи, адресованных в Кемь мужу и отцу троих детей⁸.

Приводимые свидетельства — лишь отдельные факты, хотя и таких писем-обращений сохранилось немало, но и статистика указывает, что дети в тюрьмах и в ссылке были не единичным явлением. Время их пребывания не ограничивалось 1920–1930-ми годами. В 1947 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа находилось 14 630 детей и 6779 беременных, и это число росло. В 1950 г. их уже насчитывалось 19 260 и 11 950, в 1953 г. — 35 505 и 6286 соответственно⁹. Автор отмечает, что младенцы в системе ГУЛАГа находились отдельно от матерей в «домах младенца». Таковых к 1940 г. существовало 90 (4595 младенцев)¹⁰. Смертность в «домах младенца» неуклонно снижалась, с 409

⁴ Изгнанники в своей стране: Письма из советской ссылки 1920—1930-х годов / По документам фонда «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / Сост., подготовка текста, вступит. ст. О.Л. Миловой. М., 2008.

⁵ Изгнанники в своей стране... С. 304.

⁶ Карагандинский старец преподобный Севастиан / Сост. В. Королева. М.: Паломник, 1998. С. 114–115.

⁷ Бирюков Николай., свящ.

⁸ «Сокровище благих...» (Письма верующих 30-х годов XX в.) / Публ. Г.П. Дурасова // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. М.: Наука, 2002. С. 299–377.

⁹ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 9, 11.

¹⁰ Там же. № 6. С. 13.

младенцев в 1947 г. до 46 в 1953 г.¹¹ Удручающей выглядит картина по крестьянам-переселенцам, поскольку мы знаем по конкретному материалу, что это было не переселение, а скорее мало приспособленное к жизни существование под присмотром органов НКВД. Так, в 1929 г. было отправлено в ссылку 162 962 крестьянских семей (787 341 чел., из них 320 731 – дети), в 1930 г. — 77 795 семей (134 185 детей)¹².

Обращаясь к статистике по детству в советский период, необходимо быть внимательными и к тем общим результатам, где оценивается общая ситуация по детям, особенно в довоенный период. В.Б. Жиромская подчеркивает, что «исследование причин смертности населения в 30-е гг. по возрастным группам показало, что убыль населения происходила не только в связи с голодом, массовыми репрессиями, переселениями раскулаченных, но и вследствие высокой младенческой и детской смертности, вызванной распространением эпидемии кори и скарлатины»¹³. С 1929 по 1938 г. наблюдались пониженная рождаемость и повышенная младенческая смертность, что в значительной степени повлияло на появление демографической ямы в 1947—1957 гг. Безусловно, дети в целом, а не только сироты оказались в годы революционных перемен наиболее уязвимой категорией населения, наиболее пострадавшей, и, несомненно, это повлияло на общую демографическую ситуацию в России.

Конечно, необходимо по пунктам перечислить все категории детей, которые стали невольными сиротами при советской власти и по ее вине: 1) дети, оставшиеся без родителей в годы революции и Гражданской войны в 1917—1921 гг. 2) дети «врагов народа», которых советская власть искала и находила (в большей или меньшей степени) в течение всего периода своего существования; 3) дети, которых было принято называть «безнадзорными», т.е. дети при живых работающих родителях, но не имеющих возможности за ними следить и их воспитывать. Эта проблема особенно стала проявляться в 1930-е годы. Вот почему к острым проблемам сиротства в советское время следует отнести не только проблемы детей «врагов народа», но и в целом проблемы всех категорий детей, попавших в тяжелые обстоятельства: детский дом или приют. Последние, хотя и относились к кате-

гории «самого привилегированного класса», но на деле тоже таковыми не являлись. Плата за привилегированность была высокой — верное служение советской власти. И хотя это вопрос непростой и неоднозначный, поскольку для части этих людей служение власти означало служение России, как показали события Великой Отечественной войны, но все же нельзя сбрасывать со счетов фактор идеологического, в том числе атеистического (а не просто материалистического) воспитания. Воспитывались люди, преданные советской власти, советскому мировоззрению, которое подразумевало наличие врагов народа, неоднозначное (не исключаяющее критического) отношение к родителям, своему роду, истории страны, ее культуре, духовно-религиозным корням. То есть сиротство по-своему было выгодно советской власти, оно давало возможность начинать воспитание с «чистого листа», чтобы растить людей, не обремененных историей, беззаветно преданных советской власти. И эта выгода, как нам кажется, и легла в основу всего советского подхода (во всяком случае для периода 1920—1940-х годов)

Позитивная система государственной формы опеки сирот, которая заключалась в создании государством разветвленной сети детских домов, интернатов и других детских заведений, стала создаваться с первых лет установления советской власти. С самого начала новая власть видела себя единственной силой, имеющей право на существование. Она — выразительница «народной власти», а, значит, ей принадлежат все общественные полномочия, и она же единственная, кто может заниматься судьбой всех детей страны. Дети стали рассматриваться советской властью как полная ее собственность. По сути дела, советская власть сделала государственную власть своего рода абсолютной властью — такой, какой она не была в России никогда, ни при князьях и царях, ни при императорах.

Ленинский период

На начальном этапе вся прежняя система, отвечающая за призревание детей, была разрушена и вместо нее начала создаваться новая система заботы о нуждающихся детях. Совершенно очевидно, что никакого определенного четкого плана у большевиков не было, они действовали, пользуясь методом «проб и ошибок», не принимая во внима-

¹¹ Там же. №7. С. 11.

¹² Из донесения Г.Г. Ягоды И.В. Сталину от 12 октября 1931 г. о завершении раскулачивания и выселения из р-нов сплошной коллективизации, производившихся с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 189 сентября 1931 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собр. документов в 7-ми томах / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Отв. сот. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 115.

¹³ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 218.

ние, что дело касается миллионов детских судеб, а не только «одной слезинки ребенка». Были споры о том, как далеко может заходить разрушение старого, нужно ли включать сюда семью. Те, кто спешил перейти к коммунизму, предлагали в ближайшее время начать процесс обобществления всех детей. «Так или иначе, мы заставим матерей согласиться на национализацию детей», — говорил большевик Бадаев. Но Ленина и тех, кто к нему прислушивался в этом вопросе (Луначарского), волновало, что и так уже несколько миллионов детей находятся на улице, беспризорничают. Если скороспешно разрушить семью, то число беспризорников лишь возрастет. Поэтому руководство партии не поддержало радикальных реформаторов сферы детской опеки¹⁴. Тем не менее оно не смогло, по большому счету, решить проблему детского сиротства даже на уровне ликвидации уличной беспризорности. Детские дома, как главная форма государственной опеки детей-сирот, лишь отчасти выполняли свою функцию. В них не хватало не только квалифицированного персонала, но даже людей, готовых трудиться на совесть. Детские дома не были в должной мере обеспечены пайками, а имеющаяся норма — сокращалась.

С 1917 по 1922 г. шло увеличение числа детских домов и детей в них: в 1917 г. — 30 тыс. детей, 1918 г. — 75 тыс., 1919 г. — 125 тыс., 1920 г. — 400 тыс.¹⁵ В 1922 г. в детских домах находилось 540 тыс. детей (6063 детских дома), в 1925 г. — 228 127 детей (2836 детских домов)¹⁶. И это при том, что огромное число детей все еще находилось на улице, беспризорничало или не имело родительского надзора. Большевики не только радикально отнеслись к существовавшей прежде системе детского призрения, разрушив ее в одночасье, но и отказывались от любых альтернативных путей помощи детям, полагая, что в других детских домах

детей будут воспитывать неправильно. Так была закрыта «Лига спасения детей», просуществовавшая с 1918 по 1922 г. Она появилась по инициативе В.Г. Короленко¹⁷, при активном участии Е.Д. Кускова-Прокопович, Н.М. Кишкина, М.Л. Винавер (позже заместителя Е.П. Пешковой по организации «Помощь политическим заключенным в СССР»), Н.К. Муравьева, Г.В. Филатьева¹⁸. По словам Е.Д. Кусковой, у Лиги было свыше 18 колоний, 11 детских садов, санаторий, детские клубы и огороды¹⁹. Безусловно, у данной организации были свои политические интересы (неслучайно поводом для ее закрытия и заведения уголовного дела, по инициативе Ф.Э. Дзержинского, стало обращение за международной помощью). Если же учитывать, что некоторые из членов этой организации состояли в масонских ложах²⁰, то речь шла и об определенном лоббировании каких-то масонских интересов. Тем не менее бывшую жену М. Горького Е.П. Пешкову вывели из-под удара²¹ при роспуске Лиги, и она (Пешкова) продолжила свою общественную деятельность на посту куратора переписки с политическими заключенными.

Лига была закрыта, когда в стране наблюдался пик детской беспризорности! 7,5 млн беспризорников на улицах и 6 млн детей, нуждающихся в помощи. Это при том, что правительство открыло к 1922 г. 7815 детских домов, в которых пребывало 452 тыс. детей²². Положение усугублялось тем, что на страну обрушился страшный голод. Около 8 млн детей пострадало от голода в 1921 г. На пути огромной массы голодных детей, двигавшейся на юг, в Среднюю Азию и на Кавказ большевики выставляли вооруженные заградотряды²³. Собственно, с этого времени начинается новая эра для советских детских учреждений. Комиссия, возглавляемая Дзержинским (при президиуме всероссийского ЦИК) начала действовать²⁴. Детские дома обя-

¹⁴ Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России: история и современность. М., 1994. С. 72.

¹⁵ Баранова З.Я. Призрение детей-сирот в России и за рубежом: история и современность. Ижевск, 2013. С. 16.

¹⁶ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 73.

¹⁷ В.Г. Короленко оказался неудобным для советской власти, поскольку его резко критический тон по отношению к беззакониям, «именем советской власти» творившимся на местах в годы Гражданской войны, крайне не понравился ни А.В. Луначарскому (к кому были обращены его письма), ни Ленину. Короленко пишет, что у него сердце сжимается предчувствием, «что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми меркнет всё то, что испытываем теперь». — Неизданный В.Г. Короленко. Публицистика. 1919—1921. М., 2013. С. 290.

¹⁸ «Наш спор с Вами решит жизнь»: Письма М.Л. Винавер и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. М., 2009. С. 231.

¹⁹ Там же. С. 253.

²⁰ Екатерина Павловна Пешкова. Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания / Сост. Л. Должанская. М., 2012. С. 389.

²¹ Думается, это сделал не кто иной, как Дзержинский, о котором Е.П. Пешкова сразу после его кончины отзывалась очень тепло, не боясь осуждения русской заграничной эмиграции: «Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, который его знал». — Екатерина Павловна Пешкова. Биография... С. 523.

²² Баранова З.Я. Указ. соч. С. 16.

²³ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 17.

²⁴ Баранова З.Я. Указ. соч. С. 17.

зательно прикреплялись к каким-то учреждениям, которые должны были в качестве шефской помощи оказывать материальную поддержку своим подшефным. Выяснилось, что почти четверть беспризорных детей (26%)²⁵ на деле имеют родителей, которые не могут их содержать. Отсюда встал вопрос о необходимости повлиять на семью, сделать ее способной содержать своих детей. Другой красноречивый статистический факт указывал на то, что основная часть беспризорников являлась детьми крестьян (к середине 1920-х, т.е. до массовой коллективизации!) — 54,5%, далее шли дети рабочих — 24,3% и дети служащих — 5,5%²⁶.

Советская власть предприняла несколько попыток, чтобы как-то собрать осколки того целого, которое она же и разбила. Так, она поначалу уничтожает привычные, сложившиеся за века, формы опеки над детьми-сиротами — усыновление, патронат, оставив в неприкосновенности только опекунство, хотя и изменив содержание прежнего опекунства, а через несколько лет восстанавливает их. По закону 1918 г. («Об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве») опекун для ребенка мог назначаться только органами власти. Опекунскими не могли становиться несколько социальных категорий граждан: использующие наемный труд, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, монахи и церковные деятели, бывшие агенты полиции и члены царствовавшего Дома Романовых²⁷. Опекун обязательно должен был воспитывать ребенка, которого ему в обязательном порядке вручили опекать, в советском духе. Отказаться от опеки можно было, лишь указав какие-то серьезные причины отказа. Опека носила широкий характер: от отдельных лиц до организаций. Главной ее целью являлась борьба с беспризорностью. Соответственно, в новой советской опеке мы не видим уже прежних принципов добровольности, сословности, соблюдения иерархичности при выборе опекунов (предпочтения ближайшим родственникам), свободы в деле воспитания, защиты имущественных прав ребенка (главная функция опеки до революции). Опека стала принудительной и принуждающей. Последнее подразумевало, что отделы социального обеспечения (позже ОНО — Отделы народной опеки) при губернских советах народных депута-

тов имели право не только назначать опекунов, но и лишать родителей их прав (в силу идеологических причин), отбирать детей и назначать им опекунов)²⁸. Заметим со своей стороны, что вся эта деятельность проводилась в условиях разрухи, разгула беспризорщины и проч. Кроме того, ОНО организовывали надзорную систему над опекунами по всей стране. Если это были частные лица, то надзор осуществлялся через арендаторов домов, домоуправления, домкомы, если же юридические, то от них должны были выделяться представители — опекуны, а контролировать их опекунство представлялось самим организациям²⁹.

Патронат, упраздненный в 1918 г. вместе с институтом усыновления, был возрожден в 1923 г., но опять же в полностью трансформированном виде и на первых порах как эксперимент³⁰. Вместо определенной формы устройства ребенка в новую семью патронатом стали называть консультативную деятельность органов здравоохранения по отношению к населению. Целью такого патроната было внедрение культуры личной гигиены в «широкие народные массы»³¹. Соответственно в эту сферу попали и детские дома, ясли и прочие учреждения, где имелись дети-сироты. Лишь в 1928 г. возвращается прежняя форма патроната, но опять же в виде, приспособленном к советской реальности. Во-первых, патронат был добровольной формой опекунства над ребенком. С человеком заключался договор об опекунстве и попечительстве («городское патронирование»). При этом опекун получал от государства значительную помощь: единовременную и ежемесячное пособие.

Усыновление, отмененное в 1918 г., было возвращено в практику в 1926 г., в связи с общими изменениями внутренней политики руководящих лиц партии, переориентации с цели на всемирную революцию на другую цель — построение социализма в одной стране, той линии, которая была связана с именем И.В. Сталина.

Таким образом, если оценивать «ленинский период» с точки зрения его вклада в дело детского сиротского призрения, то вывод будет однозначный: мы не находим здесь каких-либо конструктивных идей, которые бы в дальнейшем их развитии могли привести к позитивным результатам. «Детская политика» отличалась преступной безответствен-

²⁵ Там же. С. 15.

²⁶ Баранова З.Я. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 57.

²⁸ Там же. С. 53.

²⁹ Там же. С. 54.

³⁰ Там же. С. 60.

³¹ Там же.

ностью, хаотичностью, экспериментаторством, не считающимся с тем, что дело касалось живых людей, детей, также в этой политике преобладал идеологический подход, идейные интересы большевиков довели не только над целесообразностью, но и над гуманностью и человеколюбием. Главной задачей было огосударствление детей, в связи с чем сфера детского призрения рассматривалась как экспериментальная площадка для решения этой задачи. Также в «ленинский период» был заложен другой фундамент советской политики в отношении детского вопроса: сегрегация детей на своих и чужих, детей классовых врагов. Начало ее было положено расстрелом царской семьи, где был мальчик-подросток 14 лет и четыре юные девушки. Потом были и тюрьмы, и лагеря, и ссылки, где допускалось присутствие детей врагов народа любых возрастов. Конечно, нельзя сказать, что советское правительство не заботилось о детях-сиротах и не стремилось им помочь. Но даже если оставить за скобками вопрос о безответственном разрушении прежней системы призрения в условиях революции и Гражданской войны, то все равно сам процесс собирания осколков выглядит в этот период не как желание скорее навести порядок в «детском доме», скорее сделать так, чтобы дети не страдали, а как хладнокровный и циничный эксперимент по созданию государственной системы детского коммунистического воспитания на базе детей-сирот.

Между тем, научная оценка этого эксперимента до сих пор дается очень осторожная, а нередко и положительная. Понятно, что это имело место в советской литературе, например, в книге А.И. Довгалева «Семейное воспитание приемных детей» (М., 1948). Автор сравнивает дореволюционный и советский опыт и говорит о первом как зле, а о втором как о добре, которое сразу же пришло к советским детям, как только свершилась революция. Отметим особо, что автор работы (научный сотрудник Академии педагогических наук) совершенно искренен в своих выводах и в полной мере верит в то, что пишет, поскольку у книги есть посвящение погибшему при форсировании Днепра в 1943 г. сыну. Главным ответчиком за невозможность решить проблему детской опеки до революции, А.И. Довгалева делает Православную Церковь, которая якобы не смогла «не только разрешить, но и поставить вопрос со-

хранения жизни и воспитания безродных детей в условиях классовой эксплуатации общества, где все подчинено интересам наживы и получения прибыли»³². Дело призрения было подчинено интересам прибыли и обогащения частных собственников, детей нещадно эксплуатировали на фабриках и мануфактурах в качестве чернорабочей силы. Крестьяне, бравшие детей в семьи, действовали через систему «питомнического промысла», давая наживаться сельским кулакам. Миллионы детей нищих и бродяг заполняли сельские дороги империи³³. Автор искренне считает, что основная масса беспризорных детей (8 млн) уже существовала до революции (!)³⁴. Подобная голословная критика дореволюционного опыта призрения сирот со временем исчезает, но отдельные ее рецидивы все же сохраняются даже в 1990-е годы, когда стало возможным критически отнестись к советскому прошлому. Например, в основательной и в целом объективно освещающей эти проблемы книге А.М. Нечаевой (одного из главных специалистов по проблемам истории детской опеки в России) отмечается, что советская власть правильно закрыла детские дореволюционные приюты, поскольку «участь, находящихся там детей была ужасна»³⁵. Автор говорит о 583 светских приютах, но ни словом не упоминает о более чем 300 приютах, находившихся в женских монастырях, где о детях заботились со всем вниманием и теплотой. К тому же вопрос о тяжелом положении детей в светских приютах нельзя рассматривать односторонне. Проблема была постоянно в поле общественного и государственного внимания, но надо учитывать, что ее порождало несколько объективных факторов, с которыми было нельзя бороться, но к которым можно было лишь приспособиться. Главным из них можно считать бурное развитие капитализма в России во второй половине XIX в. Статистики конца XIX в. отмечали более быстрый рост негативных тенденций в социальной сфере, нежели возможностей их преодоления³⁶. Вот почему ни власть, ни общество не успевали за валом неблагополучия в сфере детской опеки. Но существовала тенденция все большего привлечения женских монастырей к этой проблеме: наряду с образованием почти в каждой женской обители (а их к 1917 г. было около 450) детского приюта, имелись монастыри, целиком посвятившие себя детской опеке. Такие монастыри появились на

³² Довгалева А.И. Семейное воспитание приемных детей. М., 1948. С. 4.

³³ Там же. С. 5.

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 71.

³⁶ Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов с 1840–41 по 1890–91. СПб., б.г. С. 13–16.

западных границах империи. В некоторых из них находилось до 400 детей³⁷.

Проблему беспризорных как массового, многомиллионного явления породила, безусловно, революция (Февральская и в большей степени Октябрьская, как имеющая продолжение — Гражданскую войну, террор в отношении целых сословий и т.д.), не только разбалансировавшая общество, но и радикально разрушившая старую систему детского призрения и сумевшая создать нечто позитивное только в послевоенные годы, т.е. не менее чем через 40 лет после революции. Почти полвека длился эксперимент по созданию советской детской системы призрения, где в основу были положены два принципа: государственный характер этой системы и идеологический характер воспитания детей-сирот. Насколько традиционным, да и общечеловеческим, гуманным можно признать этот опыт? Однозначного ответа на этот вопрос не дают даже те, кто в позднесоветский период делал все, чтобы смягчить жесткость этой системы. Альберт Анатольевич Лиханов, по инициативе которого 14 октября (!) 1987 г. возник общественный «Детский фонд им. Ленина», отмечал в своем недавнем интервью газете «Завтра», что «величайший социальный подвиг нашего Советского государства» заключается в том предоставлении возможности детям-сиротам получить хорошее образование, дающее им шанс наравне с другими гражданами страны активно участвовать во всех сферах жизнедеятельности. «Я дважды был в Колонном зале Дома Союзов на съездах бывших воспитанников детских домов. Это как будто был царский бал — генералы, адмиралы, седые дамы, в очках профессорши. Это все бывшие сиротки, которых страна возвратила к достойной жизни и подняла даже над тем, что у них могло бы быть с их родителями. Тот опыт бесценен»³⁸. Однако в этом интервью главного редактора газеты А.А. Проханова отсутствуют вопросы (думаем, что не случайно), на которые этот же автор мог бы ответить по-другому, ведь эти ответы бросили бы тень на советскую эпоху и омрачили бы праздник-бал в Кремле. Когда-то А.А. Лиханов в работе «Бремя молодости» писал о тех детях, которые были неинтересны советской власти как дети врагов народа, что это самый тяжелейший обвинительный документ против сталинского культа³⁹.

Но, как нам видится, не только *отверженные дети*, но и опыт, связанный с *неотверженными*, не может трактоваться однозначно положительно,

учитывая, как долго и драматично он складывался, через какие ошибки прошли его творцы и какой ценой за него заплатили. Уникальность же данного опыта состоит в том, что упоминаемые воспитанники детских домов, без родительского тепла и воспитания, сумели вырасти высококлассными специалистами и горячими патриотами своей страны. Но этому, как нам кажется, есть объяснение. Дело здесь не столько в совершенстве созданной системы советского детдомовского воспитания, сколько в обстоятельствах военного и послевоенного времени. Воспитатели старались дать детям, потерявшим в войну родителей, внимание и любовь, как своим собственным детям; страдания, перенесенные в военное лихолетье, общее дело, общий подвиг — все это рождало в сердцах людей стремление ответить любовью и неравнодушием искалеченным детским судьбам. Здесь не было разделения детей на своих и классово чужих, все дети были своими. Поэтому дети послевоенного времени воспитывались в детских домах не только в традиционной для русского человека атмосфере коллективизма, взаимопомощи, но самого глубокого сердечного участия в жизни детей их воспитателей. Эту сердечную теплоту и ощущали в детских домах большинство детей этого времени, что позволило вырасти им полноценными (во всех отношениях) гражданами своей страны.

Почему же тогда стал возможен переход в рамках существующей политической модели к новой ступени заботы государства о детях-сиротах, который начал формироваться с середины 1920-х годов, т.е. после смерти Ленина? Важен и другой вопрос: каким особым ресурсом располагала советская власть в довоенный период в деле создания позитивных элементов системы детского сиротского призрения? Что касается «особых ресурсов», то мы вправе говорить лишь о народном энтузиазме, появившемся на волне революции 1917 г., как скорое ожидание утверждения справедливых начал во всех областях жизни. Эта высокая энергия народного чувства хотя и была утопичной по своей природе (опиралась не на реальное положение дел, а на умозрительные представления о реальности), но она сплачивала народ и пробивала большевистской партии дорогу к власти. Но большевики-ленинцы действовали в первые годы революции и Гражданской войны настолько жестко, что очень скоро этот революционный энтузиазм народа был залит братской кровью и антицерковным насилием. Нэповская политика Ленина также мало что прояснила в народном понимании происходящего,

³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1024. Л. 90.

³⁸ Лиханов А. «Я жил не для себя» // Завтра. 2015. № 36 (1137). С. 6.

³⁹ Лиханов А.А. Бремя молодости. М., 1989. С.

и лишь когда после смерти Ленина государство в русле русской традиции само занялось организацией труда, апеллируя к коллективизму, к общему делу, тогда вытесненный было из реальной жизни энтузиазм опять стал возвращаться к народу.

Второе важное обстоятельство, кроме возвращения к идее коллективного труда, было связано с появлением деятельной личности, которая связывала воспитание детей не с коммунистическим воспитанием, а с трудовой жизнью. Другая важная особенность заключалась в готовности не щадя себя работать в массе своей с «трудными детьми», практически потерявшими привычный социальный опыт, нравственно опустившимися. Такие личности педагогов появляются еще в недрах ленинского периода, но возможности для их деятельности открываются только в следующий период. Речь идет о таких выдающихся личностях, как А.С. Макаренко (1888–1939), С.Т. Шацкий (1878–1934), В.Н. Сорока-Росинский (1882–1960), П.П. Блонский (1884–1941), К.Н. Вентцель (1857–1947) и некоторых других. Как только советское государство обозначило новую мотивировку для трудовой деятельности, а значит для всей экономики, так сразу начался важный процесс в сфере призрения сирот в детских исправительных и воспитательных учреждениях. Он не был массовым, но опыт ряда выдающихся педагогов позволил постепенно начать широко его распространять.

Для А.С. Макаренко на первом, самом трудном этапе – воспитания собственных кадров педагогов и приобретения собственного опыта перевоспитания беспризорников в процессе трудовой деятельности – главным препятствием стали не сами по себе трудности общения с детьми, пришедшими из уголовного мира, а преодоление той педагогической стихии, которая торжествовала в «ленинский период» и которую Макаренко обозначал как «болтающая интеллигенция». Последних не интересовал ребенок сам по себе, им нужно было получить из него «коммунистический продукт», ничто другое в детях их не интересовало. Вот почему Макаренко, уже приобретший известность, не мог не столкнуться с главными лицами, проводящими в жизнь эту политику, и в первую очередь с Н.К. Крупской. С трибуны VIII съезда комсомола, проходившего в 1928 г., она призвала объявить войну А.С. Макаренко⁴⁰. И хотя Крупская сумела разрушить первое детище педагога – Полтавскую трудовую колонию им. А.М. Горького (и Макаренко

пришлось уволиться), но это направление ждал неумолимый крах. К началу 1930-х годов вся прежняя система воспитания детей-сирот окончательно рухнула, а на смену ей пришел новый подход.

Сталинский период

«Сталинский период» государственной заботы о сиротах (с 1926 по 1953 г.) отмечен процессами, с одной стороны, централизации социальной сферы, с другой стороны, подведения под нее экономической базы. Если в ленинский период главной задачей было собрать, накормить и выучить детей без родителей, то при Сталине детские учреждения начинают ориентироваться на подготовку детей к трудовой деятельности, т.е. получают практическую, трудовую направленность. Однако следует подчеркнуть, что одну из основных проблем в детском вопросе в целом для советской власти — проблему преодоления беспризорности — власти так и не смогли решить и в этот период. На это указывают особые постановления партии и правительства не только 1920-х годов, но и 1930-х (1933, 1934, 1935 гг.), и даже начала 1950-х (1952 г.). Причин сохранения беспризорности и безнадзорности в стране было несколько: 1) активная репрессивная политика при Сталине; 2) чрезвычайно высокая степень интенсивности трудовой деятельности отцов и матерей, в силу чего дети оказывались без надзора; 3) чрезвычайно низкий уровень жизни большинства населения. И хотя положение семьи укрепились по сравнению с 1920-ми годами, но семья продолжала оставаться несвободной от государственных интересов ни экономически, ни культурно, ни духовно. Положение отчасти изменилось в лучшую сторону лишь в 1960-е годы, когда ведущая роль семьи в воспитании ребенка опять стала признаваться государством и предпочтение в воспитании детей-сирот стало отдаваться не детским домам, а семьям; положение постепенно стало меняться.

Вместо однотипных детских домов со второй половины 1920-х годов появляются разные формы: детские трудовые коммун для подростков с девиантным и делинквентным (антиобщественным) поведением, детские дома разного типа, санаторно-лесные школы, дома пионеров. Принципы самообслуживания, частичной самоокупаемости и самоуправления учащихся, включая равенство в правах педагогов и учащихся, являлись определяющими в этой системе. Государство брало на себя обязанность трудоу-

⁴⁰ Соколов Р.В., Соколова Н.В. А.С. Макаренко: православные корни. Судьба педагога и его педагогического опыта. М., 2009. С. 46—47.

стройства детей, достигших выпускного возраста⁴¹. Ориентация детских домов на трудовые отношения и будущее производство, как и демократизация отношений педагогов и учащихся, привели к существенным изменениям в этой сфере.

Для детских домов, особенно с середины 1930-х годов, ставится задача довести до автоматизации механизм изъятия беспризорных детей с улиц. «Первейшая задача, стоящая перед деткомиссиями: к XVII съезду партии — очистить улицы городов, вокзалы, железные дороги от остатков детской беспризорности»⁴². Собранные дети помещаются в детские приемные распределители — первичную ячейку, отвечающую за сбор детей. Отмечается, что повсеместно на этом уровне работа идет неудовлетворительно. Отсутствует оперативность, нет принципа конвейерности. Кроме беспризорников, большое число детей также не имеют надзора, они «торгуют на улицах, виснут на трамваях, калечатся автомобилями и трамваями, хулиганят, пристают к прохожим на улицах»⁴³. Школа рассматривалась в качестве базы для создания необходимых механизмов контроля. «Каждая школа должна обзавестись комонесами⁴⁴ и постами охраны детства», «фронт охраны детства» должен расширяться. Главный вопрос — «качественная работа всех детучреждений». И одно из важных направлений в этой связи состояло в необходимости уменьшить численную нагрузку на детские дома и приюты через передачу детей в патронаж. Патронаж, а не опека становится в предвоенный период важнейшей формой передачи детей в семьи. Причем акцент делался не на городское, а на сельское население, на колхозников. Велась агитация среди сельского населения, выделялись квоты на число детей, которые нуждаются в патронировании. Например, на Урале речь шла о 10 тыс. ребят⁴⁵. Предполагалось, что после достижения совершеннолетия дети останутся на селе и станут колхозниками. Ответственными за выдачу средств колхозникам, взявшим детей, были назначены облфо, горсоветы и райисполкомы. Также в этих документах звучит призыв вернуть родителям детей, которых они отдали в детдома на воспитание. В инструкции лицам, отвечающим за агита-

цию среди колхозников, говорится, что колхозники должны видеть в патронировании детей-сирот дело «социалистической чести»⁴⁶. Надзор за патронажными семьями должны были осуществлять колхозные активисты. Они должны следить, чтобы «эти дети находились в одинаковых условиях с детьми колхозников». Кроме того, необходимо, чтобы комсомол взял шефство над такими семьями. Общий процесс контролирует тройка, состоящая из председателя райисполкома, завроно и третьего лица — по усмотрению райисполкома⁴⁷.

Важно отметить и другое. Кроме ориентации на общественно полезный труд в детских колониях и детских домах, налицо и привлечение детей с улицы к производственному труду напрямую, минуя колонии и детдома. Подростки сразу направлялись на производство, получали место в общежитии и становились свободными членами рабочего коллектива. По инструкции число бывших беспризорников на производстве не должно было превышать 50%⁴⁸. Всю работу по привлечению беспризорников к производству должны были вести деткомиссии, существующие при райисполкомках.

Внутренняя жизнь детдомов должна была претерпеть существенные изменения. Поскольку многие детдома находились в сельской местности, для них стали выделять земельные участки для ведения сельского хозяйства силами учащихся. Государство обязывалось обеспечить детей инвентарем и сельхозсеменами, а также рабочим скотом. Как известно из опыта коммуны А.С. Макаренко, ему удалось добиться самообеспеченности⁴⁹. Также в детские дома повсеместно пришли физкультура и спорт. Лучшие дома и педагоги стали награждаться денежными премиями. Просматривая историю обычного, «среднего», детского дома — Кураловского в Татарской республике — нельзя не отметить его типичность. В первой половине 1920-х в нем не было порядка: воровали и дети, и педагоги, дисциплина отсутствовала. Потом здесь появился новый директор с подходом, напоминающим подход А.С. Макаренко. Жизнь стала налаживаться, но в 1927 г. директора, Григория Яковлевича

⁴¹ Разоренова Е.Л. Формирование государственно-общественной системы социально-педагогической поддержки детей-сирот в России: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2008. С. 12.

⁴² К смотру детдомов. Изд. Урал обл. ДТК, 1934. С. 4.

⁴³ Там же. С. 5.

⁴⁴ Комонес — комиссия по делам о несовершеннолетних.

⁴⁵ К смотру детдомов. С. 8.

⁴⁶ Там же. С. 14.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ Там же. С. 30.

⁴⁹ Соколов Р.В., Соколова Н.В. Указ. соч. С. 52.

Москалева, перевели восстанавливать другой детский дом, а здесь опять появилось много случайных малообразованных педагогов, опять стали возвращаться старые проблемы. Упор по старинке делался на коммунистическое воспитание. Учителя делились на культвоспитателя, трудвоспитателя, политвоспитателя. И только с 1934 г., когда сюда вернули старого директора, в детском доме опять стали утверждаться принципы трудового воспитания, было создано автономное хозяйство. Дети такого детдома видели себя одной большой семьей, любили директора как родного отца и, покидая стены детского дома, сохраняли с ним связь как со своей малой родиной⁵⁰.

Очевидно, такая ситуация была типичной для истории детского дома, так как похожую на нее мы видим и в художественных произведениях этого времени, например, в повести Клавдии Рождественской «В одной семье» (Молотов, 1954). Сюжет ее таков. Родители передают дочь в детский дом, поскольку из-за работы вынуждены переехать, а дочь на новом месте разместить негде. Детский дом процветает, и девочка очень скоро начинает чувствовать себя как в родной семье. У нее исчезает то предубеждение, что детский дом — это хулиганы, дети — «замарашки и невоспитанные». Здесь проводится мысль, что подобный имидж детских домов был создан в интеллигентской среде. Нельзя не вспомнить слова А.С. Макаренко об ответственности интеллигенции за катастрофическое положение в сфере детской опеки. На стене данного детского дома висит портрет этого самого известного советского педагога. В книге есть глава, посвященная истории детдома, начиная с первых лет революции, о нестроениях всю первую половину 1920-х годов. Потом пришел директор Хребтов и стал действовать в соответствии с рекомендациями А.С. Макаренко. Так появились детсовет, самообслуживание, различные мастерские, свое хозяйство. Кульминацией здесь становится сцена выпуска воспитанников. Один из них, любимец директора, боится получить вместе с аттестатом свое личное дело, где сохранились свидетельства его прошлых громких «подвигов» в ту пору, когда он был беспризорником. Но директор на его глазах бросает это дело в печь, и тепло, как с сыном, прощается с выпускником.

Тенденция уменьшения численности детских домов, которая стала просматриваться с 1922 г., продолжалась до начала войны, когда в стране насчитывалось 1700 детских домов и 187 тыс. детей-сирот⁵¹.

Со второй половины 1920-х и в 1930-е годы происходят масштабные изменения в сфере детского сиротского призрения. Кроме указанного выше кардинального изменения в сфере государственной опеки (детских домах и проч.), наблюдается новый подход в отношении отдельных граждан, проявляющих личную инициативу по отношению к сиротам. Возвращаются институты патроната и усыновления. Последнее произошло в 1926 г. В новом семейном кодексе, где имелаась статья об усыновлении, отмечалось, что оно проводится в интересах ребенка (а не государства!). Предполагалось, что ребенок должен получить в новой семье не только материальное обеспечение, равное тому, которое получают родные дети, но и «правильное физическое и духовное развитие». Также говорилось о положительном влиянии семьи и родительской заботы о ребенке. Однако и этот закон не позволял усыновленному ребенку приобретать весь комплекс прав, присущих родным детям. Данному обстоятельству мешало возможное существование прежних родителей, с которыми сохранялась какая-то правовая связь. Поэтому усыновлять разрешали лишь тех детей, у которых не было родителей⁵². При этом, как отмечают исследователи института усыновления в СССР, с 1926 г. начинается республиканское разделение законодательства об усыновлении. Российское законодательство пошло своим путем, законодательство других республик — иным путем⁵³. Закон РСФСР постоянно дополнялся в сторону расширения прав усыновленных детей. Так, принятый в военное время, в 1943 г. закон «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей» ориентировал на закрепление между двумя сторонами отношений, «таких как кровные», хотя о полной идентичности все же не было сказано. Подобный закон будет принят только в 1976 г., в конце советской эпохи⁵⁴.

В законе 1943 г. на первом месте, по значимости для советской власти, стоит патронирование, затем идут опека и усыновление⁵⁵. Патронат видит-

⁵⁰ Горохов, В.М., Суворов К.Г. Кураловский детский дом. 1920—1945. Казань: Татгосиздат, 1945. С. 7.

⁵¹ Нечаева А.И. Указ. соч. С. 74.

⁵² Кузьмичева Л.А. Усыновление по советскому праву. Харьков, 1976. С. 6.

⁵³ Фабричная Т.Б. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII—XX вв. (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 7.

⁵⁴ Кузьмичева Л.А. Указ. соч. С. 13.

⁵⁵ О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей. Инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР. Изд. Наркомпроса РСФСР, 1943. С. 2.

ся в этом документе «одной из форм общественной помощи в деле осуществления государственной системы охраны детства», а также «борьбой с детской беспризорностью и безнадзорностью»⁵⁶. Ответственными за патронирование (оформление патроната и контроль за процессом) были отделы народного образования и отделы народного здравоохранения в городах; председатели сельских советов и кассы взаимопомощи в колхозах. После заявки желающего оформить патронат происходило тщательное обследование его семьи, затем подписывался договор. Под патронат подходили дети от 5 месяцев до 14 лет. До трехлетнего возраста эту деятельность курировали отделы здравоохранения, а после 3-летнего возраста — отделы образования. Как только подростку исполнялось 14 лет, договор о патронаже прекращался и подопечный направлялся в какие-то ремесленные училища или школы. В 1942 г. в РСФСР числилось 37 490 детей на патронате⁵⁷.

В вопросе усыновления следует отметить такой важный факт, как отмена усыновления по каким-либо причинам со стороны государства. Опекунство в этом законе рассматривается как патронат, и усыновление стало добровольным делом граждан. Для опекунов (как и до революции) первой обязанностью является защита прав ребенка, охрана его имущества. Как и при усыновлении, возможно расторжение договора.

«Сталинский период» связан еще и с опытом Великой Отечественной войны, когда детские дома открылись для детей, пострадавших от войны, обожженных войной, и это была новая категория, к которой необходимо было искать новый подход. 20% детей-сирот потеряли родителей на фронтах войны⁵⁸. Вот почему еще в военный период активно начинает работать институт усыновления. Огромное число детей, взятых в семьи в эти годы, вообще не проходили процедуру юридического оформления, дети были просто взяты с улицы и воспитаны вместе с родными детьми⁵⁹. Государство в эти годы соглашается на любые формы помощи детям со стороны общества. Выходит постановление, обязывающее все государственные учреждения оказывать помощь

детям-сиротам, создаются специальные детские дома для сирот-фронтовиков, партизан, дома ребенка, приемники-распределители, суворовские училища, фактически возрождена нелегальная благотворительность общества и Церкви⁶⁰. В военные годы, с 1943 г., происходит возвращение к единообразию в брачно-семейном законодательстве, оно становится общесоюзным⁶¹. Интересно отметить, какую трактовку усыновлению, опеке и патронату в военные и послевоенные годы дает современница, когда это процесс носил массовый характер. А. И. Довгалева, книга которой вышла в 1948 г., пишет: людьми двигало желание «помочь государству», это было «мощное патриотическое движение населения Советской страны»⁶². Тем не менее, несмотря на очевидный живой и свободный порыв людей, желающих принять в свою семью детей-сирот, все-таки активно велась пропаганда: проходили митинги, висели плакаты, кто-то из чиновников давал обязательства усыновить в своем городе такое-то количество сирот⁶³. На заводах и фабриках люди выступали «с почином» приема сирот. Работницы Московской обувной фабрики «Красный богатырь», имеющие детей, обязались взять на усыновление детей-сирот. Это начин «подхватили по всей стране»⁶⁴. Безусловно, подобная публичная форма не бросает тени на искренность и серьезность этих поступков, форма была лишь данью времени, суть же была в том, что это был все же массовый, народный порыв, направленный на то, чтобы вернуть настрадавшимся от войны детям семейное тепло. Автор отмечает, что чаще всего детей войны брали работники крупных предприятий, семьи бойцов Красной армии, колхозники, семьи служащих и представители интеллигенции. Призывы взять сирот порой звучали по радио, печатались в газетах. Важна и другая статистика: старались брать в первую очередь самых больных, неухоженных, забытых⁶⁵. И в этом тоже просматривалась искренность людского чувства. В данной книге есть и практическая направленность, поскольку она писалась педагогом и психологом. Автор предлагает методику правильного воспитания детей-сирот. В первую очередь необходимо заботиться о здоровье, дать ему трудовое

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Нечаева А. М. Указ. соч. С. 64.

⁵⁸ Разоренова Е. Л. Указ. соч. 13.

⁵⁹ Довгалева А. И. Указ. соч. С. 48; Фабричная Т. Б. Указ. соч. С. 7.

⁶⁰ Разоренова Е. Л. Указ. соч. С. 12.

⁶¹ Фабричная Т. Б. Указ. соч. С. 15.

⁶² Довгалева А. И. Указ. соч. С. 48.

⁶³ Там же. С. 52.

⁶⁴ Там же. С. 54.

⁶⁵ Там же. С. 75.

и нравственное воспитание. «Трудовое» — значит советское, говорит автор и делает ссылку на Макаренко и на Сталина. Далее идет психология. Родители должны постепенно внедрять в сознание ребенка мысль о том, что трудовая деятельность близких ему людей тесно связана с трудом и благополучием всех других работающих, что от этой связи зависит общий порядок⁶⁶.

Немало детей усыновлялось в эвакуации, когда они были размещены по обычным семьям. Только в 1942 г. в РСФСР было усыновлено 3179 человек⁶⁷. В целом же к концу войны статистика по детям-сиротам всех категорий выглядела следующим образом: всего было 678 тыс. детей-сирот, 400 тыс. из них воспитывались в детских домах, 278 тыс. — в семьях на условиях патроната, усыновления, опеки⁶⁸. При этом следует отметить, что определенная часть детей (статистики не имеют этой цифры) не могла попасть ни в детские дома, ни в семьи через официальное оформление.

Подводя итог «сталинскому периоду», отметим его сложный характер. Во-первых, до конца этой эпохи сохраняется репрессивная политика по отношению к детям «врагов народа». Во-вторых, государственная политика по отношению к детям-сиротам претерпевает существенное изменение по сравнению с «ленинским периодом», главным образом в смене воспитательной ориентации: с человека идейного, коммунистически ориентированного на человека труда, готового вступить в рабочую жизнь и даже продолжить образование. В сферу призрения сирот возвращаются традиционные формы опеки, патроната и усыновления. И наконец, последнее, проблема бездомности, беспризорности так и не была до конца решена в этот период, учитывая, что для этого были серьезные причины. Репрессивное отношение к так называемым классовым врагам сохранялось; экономика работала в чрезвычайном режиме, военные расходы были огромны, денег не хватало даже на обеспечение детских домов.

Хрущевский и брежневский периоды

В последующем перед государством встала задача обеспечить возможность всем детям-сиротам попасть в детский дом. И такая задача была решена достаточно скоро через укрупнение детских домов и превращение их в интернаты. Интернатная

система складывалась постепенно. Первые интернаты появляются во второй половине 1950-х годов для безнадзорных детей и детей из проблемных семей. Интернаты вмещали до 500 человек, в отличие от детских домов, где жило максимум 100 детей. Началось преобразование детских домов в интернаты. К 1960 г. в интернатах обучалось и жило уже 1 млн детей⁶⁹. Интернаты имели специализированный характер: для детей-сирот, для детей одиноких матерей, для одаренных детей-сирот, для детей из неблагополучных семей⁷⁰. Решается и проблема занятости родителей на производстве. В школах организуются группы продленного дня. Известный детский писатель и председатель Российского детского фонда А.А. Лиханов скептически относится к этому опыту, поскольку сам был свидетелем этого эксперимента. В недавнем своем юбилейном интервью писатель говорит, что это «завиравшая идея Хрущева», имеющая целью освободить детей от родителей, «чтобы у родителей было свободное время». А.А. Лиханов вспоминает и свой первый опыт (в те же 1960-е годы) с передачей детей-сирот в семьи, окончившийся неудачно. Детей (50 человек) сначала разобрали по семьям, а потом потихоньку всех вернули назад, в интернат⁷¹.

Еще большей дифференциации и специализации интернаты подвергаются в период правления страной Л.И. Брежнева. Начинает действовать закон о тайне усыновления, поэтому, как отмечают исследователи этого вопроса, и сама система детского сиротства в СССР становится закрытой. Разделение идет по пяти принципам: 1) возрастная периодизация; 2) половая принадлежность; 3) специализация; 4) профилактика беспризорности и безнадзорности; 5) медико-физиологические состояния⁷². Эти детские учреждения находятся в компетенции нескольких структур: здравоохранения, социального обеспечения, образования, правоохранения.

Новый кодекс РСФСР «О семье и браке» был принят в 1969 г. В нем, по сути, была поставлена точка на проблеме усыновления; усыновляемые признавались такими же родными, как и кровно-родственные дети. Введено понятие «удочерение», стало юридической нормой «тайна усыновления или удочерения». Все эти новшества позволили, в

⁶⁶ Там же. С. 80.

⁶⁷ Нечаева А.М. Указ. соч. С. 43.

⁶⁸ Там же. С. 30.

⁶⁹ Там же. С. 39.

⁷⁰ Разоренова Е.Л. Указ. соч. С. 13.

⁷¹ Лиханов А. «Я жил не для себя». Л. 6.

⁷² Там же.

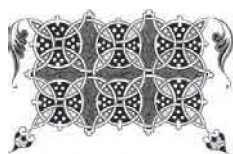
конце концов, начать движение в сторону закрепления за усыновленным (или удочеренным) необходимых прав не только в семейном кодексе, но и в других нормативных актах: трудовом, земельном, жилищном, наследственном кодексах⁷³.

В 1970-е годы стала обозначаться проблема все большего появления детей с дефектами физического и психического развития. Нельзя не понимать того, что в предыдущие годы, годы правления Н.С. Хрущева, когда велось тотальное наступление на Церковь, при активной антирелигиозной пропаганде, решался вопрос не только об отстранении Церкви от общественного воспитания, но о замене всей традиционной системы взглядов на семью и детей. Государство вторгалось в сферу, которую не знало, но хотело переделать под свои интересы и свое понимание, и эта сфера сразу откликнулась на грубое вмешательство. И прежде всего ответом на грубое вмешательство в духовную сферу семьи и деторождения стало появление детей с отклонениями в развитии. В короткий срок меняется ориентация общества в отношении сиротства. Буквально как волной смывает идущую от войны общественную симпатию к детям-сиротам и вместо нее постепенно в массе утверждается новый взгляд на сиротство: прагматичный, равнодушный, изживенческий. Люди начинают уже не стремиться найти себе сироту, а стараются избавиться от больного ребенка. Так появляется понятие «социального сиротства». Причина его появления, на наш взгляд, заключается прежде всего в жесткой атеизации населения России, в прививании материалистического взгляда на нерожденный плод как на биологическую массу, а на ребенка и человека в целом, — как на материальное существо, имеющее лишь разумные биологические потребности.

Однако очень скоро, в 1980-е годы, для правительства стало ясно, что эта сфера — социального сиротства — будет и дальше расширяться, а государство будет все глубже погружаться в проблемы заботы о сиротах при живых родителях, при том, что сам объем попечения также будет расти (психологическая, реабилитационная помощь, новые медикаментозные возможности). Вот почему принимается негласное решение о расширении

возможностей приобщения семей к усыновлению и опеке. В прошлое уходит патронат⁷⁴, основной же формой выбирается опека. В документах отмечается, что хотя при социализме и стоит в качестве главной задачи «расширение общественного воспитания», но семейное воспитание объявляется «наиболее благоприятной формой воспитания детей». Главное, чтобы приемная семья воспитывала ребенка «в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду, и активного участия детей в строительстве коммунистического общества»⁷⁵.

Появление социального сиротства ярко обозначило тот факт, что так и не был найден необходимый механизм преодоления сиротства как явления. Сиротство продолжало воспроизводиться как социальная и духовная язва, вызываемая не какими-то объективными обстоятельствами (голод, войны, эпидемии), но самим социальным строем. Лишив Церковь и общество (частные фонды) возможности принимать участие в опеке над сиротами, государство взяло на себя в том числе и функции духовничества, милосердия и полного материального вспоможения. Но денег на детей вплоть до 1960-х годов катастрофически не хватало; коммунистическая идеология также не могла заменить воспитание, которое дети-сироты в дореволюционное время получали в женских монастырях. Сознательный, во славу Родины труд стал единственно положительным явлением, позволившим выйти за рамки коммунистической абстракции (химеры) и придать советскому опыту призрения сиротства какое-то положительное звучание. Но начиная с 1960-х годов ориентация на трудовое воспитание стала заменяться ориентацией на коммунистическое воспитание. Так в конце советской эпохи две тенденции сошлись: формализованный труд и приоритет коммунистического воспитания, с одной стороны, и появившееся (воспитанное воинствующим атеизмом) желание у молодой части общества возложить на плечи государства решение деликатных семейных проблем, с другой стороны. С этим опытом опеки сиротства и подошла советская власть к началу 1990-х годов, этот опыт и лег в основу современной модели в постсоветской России.

⁷³ Фабричная Т.Б. Указ. соч. С. 7.

⁷⁴ Патронат сохранялся в отдельных национальных республиках, например, в Узбекистане, Латвии.

⁷⁵ Кузнецова И.М. Законодательство об усыновлении и практика его применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.